

Дмитрий Фурманов

Шакир

Дмитрий Андреевич Фурманов

Шакир

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735516*

Аннотация

«...Багажом пришло ко мне пуда три книг. Попробуй-ка, дотяни по нынешней дороге; все развезло, осклизло, распустилось. Со мною крошечные саночки (сосед-спекулянт больших не дал). Везу. От станции продвинулся еще всего 60–70 сажень, а пот так и садит – вижу, что до Арбата не вынесу. Стою – раздумываю, как быть...

– Ай, товарищ-господин, давай я...

Из толпы выделилась фигура татарина...»

Дмитрий Андреевич Фурманов Шакир

Багажом пришло ко мне пуда три книг. Попробуй-ка, дотяни по нынешней дороге; все развезло, осклизло, распустилось. Со мною крошечные саночки (сосед-спекулянт больших не дал). Везу. От станции продвинулся еще всего 60–70 сажень, а пот так и садит – вижу, что до Арбата не вынесу. Стою – раздумываю, как быть...

– Ай, товарищ-господин, давай я...

Из толпы выделилась фигура татарина; зипунишко, лапти, обычная татарская шапка... Дыры, лоскутья, клочья, заплаты... Усы моржовые – темно-рыжие, мокрые. Глаза чуть видно – моргают, слезятся... Голосок тонкий, умоляющий...

– Денег нет, брат, платить нечем будет...

– Мешок картошка везешь? – спросил он, указывая на груз и, видимо, предполагая получить «натурой».

– Нет, книги.

– Книги... Куда книги везешь?

– Далеко, на Арбат.

– Далеко на Арбат? Давай я...

– Так нет, чего же, братец, давай уж лучше вместе, я тоже тебе помогу...

– И вместе хорошо, давай вместе...

– Ну, так за сколько же?

– Рупь давай.

– Это сто тысяч?

– Сто тысяч давай.

– Так и быть – поедем...

Мы тронули... Целимся больше на дорогу – тут кое-где сохранился лед и снег... Мчатся автомобили, окатывают нас каскадами навозной жижицы, перегоняют на тротуар...

Спутника моего зовут Шакиром – он беженец с голодно-го Поволжья. Только вчера похоронил жену, осталась на руках полторагодовалая малютка. Не знает, куда теперь с ней деваться, чем кормить. Сам работы не нашел, околачивается возле больших вокзалов. Но и тут дела Шакиру не дают: санок нет, купить их не на что, а на ручной багаж монополию захватили станционные носильщики, злобно встречающие ободранных конкурентов. Шакиру за пятьдесят пять, силенок у него осталось немного, на тяжелую работу не годится.

– Таскать все надо, – говорит он. – Есть хочешь – таскай. А таскать не будешь – есть не будишь. Ящик таскай...

– Да у тебя и силы-то нет, Шакир, где тебе ящики подымать?

– Хлеба хочишь – сила есть, хлеба не хочишь – сила нет.

– А ты обедал сегодня?

– Вчера обедал...

– Ел сегодня?

– Вчера ел.

– А будешь есть?

– Буду есть – ты хлеба дай...

– Дам... А девочка твоя – кто ее-то кормит?

– Дворника жена есть... У нее девочка... Сколько деньги принес – жене дворника отдал, все ей отдал.

– А далеко живешь, Шакир?

– Тагански...

– Это пешком туда и пойдешь?

– Сегда пешком ходим... Деньги дочка нужны...

Я посмотрел ему на ноги: лапти запутаны в лохмотья; все это намокло, пропиталось навозным соком, грязью...

– Ноги-то мокрые?

– Ноги сегда мокрые.

– Болят они у тебя?

– Доктор ходил, сказал – болят ноги...

– Лечишь, значит?

– Больше доктор не ходил, станция ходил... работать надо. Деньги дочка носил.

За долгий путь о чем только не переговорили мы с Шакиром. Он рассказывал, как жил в батраках, как работал, нуждался. И выходило так, что прошлая жизнь была у него только чуть-чуть получше той, что настигла теперь... Он не запомнит времени, когда семья была бы разом – и сыта, и оде-

та, и обута. Чего-нибудь всегда не хватало, а семья была в семь человек. Теперь кто поумирал, кто замуж повыходил, остался Шакир с женою вдвоем, да тут еще на грех девчонка родилась.

– Девчонка зря родился, – говорил мне Шакир. – Девчонка не нада родиться... Малака нет, хлеба нет, голод есть – девчонка не нада родиться...

Но делать уж нечего; бьется, а кормит. Теперь, без «бабы» ему совсем тяжело: она хоть что-нибудь сварит, бывало, когда Шакир денег принесет, а теперь и денег зарабатывает, да варить-то уж некому.

– купишь хлеб, огурец, капуста, вода попил, больше нет ничего...

– И так каждый день?

– Так всегда... Только хлеб не всегда.

– Плохо тебе, Шакир, живется... А будет лучше? Как ты думаешь – будет лучше или нет?

Мне хотелось узнать – ждет ли он чего, надеется ли на что-нибудь? Только я опасался, что не поймет Шакир вопроса. Ан нет, понял – глаза осветились, расширились, помолодели.

– Все будит хороший...

– Так где же хорошо-то, – донимал я его, – посмотри, как ты нуждаешься...

– Сичас нет – и плоха... А когда будит – хорошо будит...

– Ты уж не доживешь, Шакир...

– Девчонка жить будит, дочка жить будит...

– А знаешь ты, что такое совет?

– Совет? – переспросил он. – Совет знаю, ходил совет...

– Нет, ты знаешь ли, как он выбирается, кто выбирает и что он делает?

Как ни силился Шакир что-то мне объяснить, – понять было невозможно. Я стал ему объяснять. Смеется радостно, останавливает меня среди луж и навозных кучек. Извозчики и автомобили обдают грязью, а мы стоим, и возбужденный Шакир, глядя мне в глаза, спрашивает торопливо:

– Бедный человек не будит?

– Не будет, Шакир.

– Все работать будим?

– Все...

– Ленин сказал?

Я радостно вздрогнул от этого вопроса. Мы про Ленина еще не говорили с ним ни слова – Шакир назвал его имя первый...

Так, значит, и он, этот вот темнейший человек, знает, знает и чувствует, что имя Ленина можно называть лишь там, где говорят о труде, что Ленин и труд – одно и то же?..

Перескажешь ли все, что говорили мы за двухчасовую дорогу. Только я заметил, прощаясь, что Шакиру слова мои запали в душу, что они ему радостны, что редко-редко, может быть никогда, не говорили еще с ним так, как это вышло теперь...

Взявши краюху хлеба в обе руки, погладывая ее с концов,

он уходил от меня, веселый и довольный, на свою далекую «Тагански», к голодающей малютке дочке.

10 марта 1922